

*Л. М. Бондарева (Калининград, Россия)
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта*

Функционально-семантический потенциал парантезы в текстах воспоминаний

В статье рассматривается языковая специфика вставных конструкций, употребляющихся в немецкоязычных мемуарно-автобиографических текстах. Особое внимание уделяется характеру функционирования и семантическому наполнению парантез в контексте ретроспективной деятельности речевого субъекта.

Ключевые слова: память, воспоминания, парантеза, функции, семантика

Важной составляющей культурной памяти человечества являются тексты воспоминаний, в которых аккумулируются не только знания и аутентичный опыт предыдущих поколений, но и особенности индивидуального мировосприятия и мироощущения конкретной исторической личности, выступающей в роли субъекта ретроспективного текстопорождения. Как отмечает немецкий исследователь К. Фрас, не вызывает сомнения тот факт, что особенности, причины и характер запоминания и забывания любых событий в жизни человека обусловлены исключительно его социальным опытом [8, S. 37]. В этом смысле речь идёт о существовании в коллективном ментальном пространстве каждого общества определённых «понятийных блоков» [ср.: 7, S. 290], на основе которых вспоминая субъект способен реконструировать события, важные для его социальной группы, и, соответственно, идентифицировать себя с этими событиями.

Тем не менее, отличительными признаками литературы воспоминаний, ядро которой формируют тексты автобиографий и мемуаров, являются повышенная субъективность и эгоцентрированность, оказывающие существенное воздействие на степень адекватности и аутентичности изображаемой прошлой действительности [см.: 2].

Способы актуализации подразумеваемой субъективности любого мемуарно-автобиографического повествования отличаются известным разнообразием, а их выбор зависит от индивидуально-личностных особенностей автора и характера его интенции, лежащей в основе порождения текста воспоминаний. В данном контексте целесообразно упомянуть о существовании определённой системы средств авторизации, способствующих наиболее полному выражению позиции субъекта речевой деятельности в процессе литературной коммуникации. В качестве этих средств, согласно З. Я. Тураевой, наряду с модусными и перформатив-

ными глаголами функционируют вводные оценочные элементы, а также падежные и предложные конструкции, указывающие на их автора [6, с. 100].

Что касается подразумеваемых вводных элементов, то для их обозначения в лингвистике употребляются номинации «вставные конструкции», «вставные / вставочные обороты», «вставки», «прагматические вставки», «добавочные конструкции», «внесения», «включения», «парантез / парантеза», «парентетические внесения», «парентетические / парантетические / парантезные конструкции» и др. При этом, как отмечает Д. А. Борисова, в зарубежной синтаксической традиции отсутствуют четкие критерии разграничения вставных и вводных элементов, в то время как в русской синтаксической школе вставные конструкции первоначально исследовались в рамках синтаксической категории вводности, где они объединялись с вводными конструкциями в парантезы [3, с. 16].

При любом подходе к данному языковому явлению наиболее ёмким и употребительным, на наш взгляд, следует считать термин «парантеза», который и будет использоваться в рамках настоящей статьи в качестве соответствующего рабочего термина.

Известно, что парантезы могут обладать как логическим, так и эмоциональным характером, однако в любом случае им всегда присущ, как подчёркивают Э. Ризель и Е. Шендельс, один стилистический признак – истинное или кажущееся установление контакта с получателем информации [11, S. 149], что свидетельствует о ярко выраженной прагматической направленности данных конструкций.

В силу особенностей своего функционирования парантезы разрыхляют структуру предложения и всегда являются носителями некоей дополнительной информации, которая в принципе может быть исключена из текста без нарушения логики целостного высказывания. Однако, несмотря на факультативный характер, эти языковые единицы способны в существенной, а порой даже и в решающей мере модифицировать семантику авторского утверждения, акцентируя внимание читателя на определённых деталях, которые в иной синтаксической позиции могли бы ускользнуть из его поля зрения.

Изучение функций парантезы в рамках текстового целого может осуществляться с учетом их грамматической, прагматической, стилистической и семантической специфики. В содержательном плане наиболее актуальными представляются, согласно А. Ф. Прияткиной, такие функции парантезы, как пояснительно-уточнительная (в ситуации повторного наименования, конкретизации), причинно-мотивировочная, справочно-отсылочная и комментирующая, или модально-оценочная [5, с. 159]. Однако не следует забывать, что языковой потенциал парантезы всегда обусловлен жанровыми и стилевыми параметрами текста, в связи с чем, как констатирует С. А. Никифорова, в функциональных стилях, направленных, например, на реализацию категории информативности, па-

рантеза будет способствовать в первую очередь передаче содержательно-фактуальной информации [4, с. 197].

Вполне очевидно, что в текстах воспоминаний, фиксирующих жизненный опыт конкретного речевого субъекта в ситуации ретроспективной концептуализации этим субъектом собственного прошлого, функции парантезы будут отличаться существенным разнообразием. Обратимся в данной связи к тексту трехтомной автобиографии немецкой писательницы XIX века Фанни Левальд «*Meine Lebensgeschichte*», в котором последовательно воспроизводятся основные вехи жизненного пути автора.

В первом томе воспоминаний, посвященном реконструкции периодов детства и юности Ф. Левальд, которые прошли в восточнопрусском Кенигсберге (ныне Калининград), встречаются парантезы, оформленные на графическом уровне преимущественно двойным тире:

1. An dem gedachten Tage also – es war am hohen Mittag des 14. Juni und die Jahreszeit schon lange heiß und trocken – befand sich die Kaufmannschaft eben an der Börse ... [10, S. 17] (выделено нами. – Л. Б.).

В процитированном примере парантеза выполняет конкретизирующую функцию, благодаря чему описываемое в тексте воспоминаний событие приобретает четкие темпоральные атрибуты, референциально соотносящиеся с временем суток (полдень), конкретным днем месяца (14 июня) и погодными условиями (сухая многодневная летняя жара). Значимость данной информации уточняющего характера обусловлена тем обстоятельством, что речь идет об упоминании одного из самых разрушительных пожаров в Кенигсберге, случившемся в 1811 году. Как очевидно, благодаря такому авторскому комментарию для читателя становятся более понятными возможные причины разразившейся катастрофы.

При этом важно отметить, что в реконструируемый период времени Фанни Левальд было 4 месяца, и, следовательно, содержащееся в составе парантезы высказывание не может являться фрагментом ее личных воспоминаний, а зафиксировано ею во время написания текста автобиографии со слов взрослых очевидцев пожара – родителей и знакомых. В подобной ситуации мы можем говорить о факте вербализации не автобиографической, а так называемой коллективной памяти социума, переходящей со временем в культурную память человечества.

2. Ich faltete unwillkürlich die Hände, ... und ohne einem Menschen ein Wort davon zu sagen – denn über starke Empfindungen zu sprechen, trägt die wahrhafte Jugend Scheu, weil ihr die Kraft und die Selbstbeherrschung dazu fehlen -, hatte ich die Überzeugung, daß erst mit diesem Tage Jesus auch für mich lebendig geworden sei [10, S. 15] (выделено нами. – Л. Б.).

Как следует из данного текстового фрагмента, автор подвергает анализу процесс структурирования собственного религиозного мировоззрения на этапе

взросления и сопровождает воспоминания об этом философским рассуждением в форме парантезы, которая в синтаксическом плане представляет собой сложное предложение с сочинительной и подчинительной связью (союзы *denn* и *weil*). Данная парантеза выполняет причинно-мотивировочную функцию, поскольку писательница объясняет читателю причину боязни проявления своих чувств и эмоций перед окружающими, которая присуща подросткам в связи с отсутствием у них уверенности в себе и достаточного самообладания. Характерными языковыми признаками рассуждения являются панхронический презенс, в котором употребляется глагол *tragen* (*trägt*), и существительные, обладающие абстрактной семантикой (*Empfindungen, Scheu, Kraft, Selbstbeherrschung*).

Различного рода парантезы встречаются и на страницах мемуаров немецкого публициста Себастиана Гафнера «Geschichte eines Deutschen. Die Erinnerungen 1914-1933», пытающегося проанализировать в своих воспоминаниях истоки зарождения и воцарения фашистского режима в Германии. В этом тексте парантезы также оформляются автором на графическом уровне двойным тире, например:

Das eine "historische Ereignis" zieht über das private – d.h. wirkliche – Leben hin wie eine Wolke über einen See ... [9, S. 13] (выделено нами. – Л. Б.).

В данном случае, размышляя о различном влиянии исторических событий на личную жизнь отдельного человека, вынужденного вести, по мнению автора, «дуэль» с противостоящим ему мощным государственным аппаратом, С. Гафнер употребляет парантезу пояснительно-уточнительного характера *d.h. wirkliche*, сопровождающую атрибутируемую лексему *das private* и, таким образом, модифицирующую ее семантику. Прилагательное *privat*, имеющее значение «частный, личный, приватный» [1, с. 210], становится в тексте воспоминаний обозначением истинного, нефальсифицированного официальными источниками массовой информации образа жизни рядового гражданина в Германии в период установления фашистской диктатуры.

Заслуживающими внимания языковыми примерами в мемуарах С. Гафнера являются парантезы, оформленные скобками, поскольку в подобной ситуации речь идёт о функционировании в качестве вставных конструкций самостоятельных предложений:

Ich verspürte zum ersten Mal ... die Auswirkung der seltsamen Begabung meines Volkes, Massenpsychosen zu bilden. (Eine Begabung, die vielleicht ein Ausgleich für sein geringes Talent zum individuellen Glück ist.) Ich hatte keine Ahnung, daß es überhaupt möglich sein könnte, bei einer solchen festlich-allgemeinen Raserei sich auszuschließen [9, S. 19-20].

В процитированном текстовом примере авторский комментарий в форме парантезы выполняет модально-оценочную функцию и служит для выражения достаточно категоричной точки зрения писателя на особенности менталитета

немецкого народа, склонного к «массовым психозам» (*Massenpsychosen*) в связи с отсутствием «таланта» к личному счастью.

В ряде фрагментов мемуаров С. Гафнера воспроизводится период 1924–1926 гг., когда вся молодежь в Германии была охвачена такой разновидностью, по мнению автора, национального массового психоза, как культ спорта в его гипертрофированной форме, что послужило в качестве отвлекающего фактора населения от назревающих в немецком обществе опасных политических перемен:

So lag ... alles bereit für ein großes Unheil.

...Selbst die Vorboten des kommenden Unheils schienen durchaus in das freundliche Bild zu passen.

Einer dieser Vorboten... war der Sportfimmel, der in jenen Jahren die deutsche Jugend ergriff.

...Es ist der letzte große deutsche Massenwahn, dem ich selbst miterlegen bin. Zwei Jahre lang stand mein geistiges Leben fast still... [9, S. 73].

Однако автор указывает далее на кратковременность такого повального увлечения целой страны спортом, уступившего через три года свое место этапу осознания немцами политических проблем, и дает в форме парантезы специальный комментарий о том, что сам он «прозрел», т.е. преодолел упомянутую манию, гораздо быстрее:

Im übrigen hielt die Sportkrankheit als Massenerscheinung nur etwa drei Jahre vor. (Ich persönlich überwand sie noch schneller.) ... Es war im Grunde immer dasselbe ... es konnte nicht endlos die Phantasie beschäftigen [9, S. 76].

Обобщая все вышеизложенное, следует отметить, что в текстах немецкоязычных воспоминаний парантезы в целом выполняют классические функции экспликации авторского мнения по определенным реконструируемым событиям в виде пояснения / уточнения, комментария модально-оценочного характера, а также разъяснения причинно-следственных связей. При этом важно, что информация, содержащаяся в проанализированных парантезах, может маркировать факт вербализации в личных воспоминаниях коллективной памяти социума и даже сигнализировать о модификации семантики соотносящейся с парантезой языковой единицы. Данное обстоятельство свидетельствует о богатом семантическом потенциале парантезы, которая продолжает оставаться объектом актуальных лингвистических исследований.

Литература

1. Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; под рук. О.И. Москальской. 2-е изд., стер. Т. 2. М.: Рус. яз., 1980.

2. Бондарева Л. М. Особенности реконструктивной деятельности профессионального писателя в условиях ретроспективного дискурса // Вестник Балтийского фе-

дерального университета имени Иммануила Канта. 2013. Вып. 2: Филологические науки. С. 29-35.

3. Борисова Д. А. Парантеза как экспрессивный способ формирования прецедентных смыслов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2012. Вып. 20. С. 11-21.

4. Никифорова С. А. Функционирование парантезы в немецком поэтическом тексте (на примере стихотворений И. В. Гете) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 196-202.

5. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие. М.: Флинта, 2019.

6. Тураева З. Я. Семантика художественного текста и модальность // Текстовый и сентенциональный уровень стилистического анализа: межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1989.

7. Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. S. 289-304.

8. Fraas Cl. Begriffe – Konzepte – kulturelles Gedächtnis. Ansätze zur Beschreibung kollektiver Wissenssysteme // Sprache und Kultur. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2000.

9. Haffner S. Geschichte eines Deutschen. Die Erinnerungen 1914-1933. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2002.

10. Lewald F. Meine Lebensgeschichte. Bd. 1. Königstein: Helmer, 1998.

11. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag Hochschule, 1975.

УДК 81'25

*Л. М. Бондарева, Д. В. Захарова, И. В. Томашевская
(Калининград, Россия)*

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Разработка универсального алгоритма перевода трелонимов в фэнтезийном дискурсе

Статья посвящена вопросам автоматизации перевода уникальной группы имен собственных – трелонимов в фэнтезийном дискурсе. В статье отражены этапы разработки универсального алгоритма, призванного облегчить адаптацию наименований персонажей компьютерных игр и наиболее предпочтительные переводческие стратегии для отдельной группы имен собственных, обладающих коннотативным значением.

Ключевые слова: имена собственные, коннотативное значение, трелонимы, фэнтезийный дискурс, компьютерные игры, локализация